

Хэ Ци непрерывно спрашивал себя: Это я виноват? Правда я виноват? Он поднял голову, глядя на спину Син Яня, и в нём зародилось другое сомнение: Неужели это холодная война? Я стал жертвой эмоционального насилия? Со стороны этого мужчины? Эта мысль разозлила его ещё больше. Хэ Ци едва сдерживался, чтобы не броситься вперёд и не швырнуть ложку в это чётко очерченное лицо, если бы она у него была.

Всего тридцать минут пути, но почему-то они казались бесконечно долгими. Хэ Ци достал телефон из кармана, посмотрел на время и обнаружил, что они прошли половину пути за то же время, что обычно уходило на весь путь. Уже полностью стемнело, уличные фонари зажглись один за другим, и желтоватый свет, падающий с высоты нескольких метров, освещал их путь. Тени деревьев ложились под ногами и накрывали их головы. Насекомые, привлечённые светом, кружились вокруг источников тепла и света, одни летали над головами людей, другие кучковались вокруг декоративных фонарей, привязанных к стволам деревьев. Из травы доносились звуки цикад и лягушек, создавая жаркую симфонию лета.

Примерно месяц назад они шли по такой же дороге, один за другим. Но сегодня, спустя месяц, их позиции поменялись: один шёл впереди, погружённый в свои переживания, а другой следовал за ним, тихо копя раздражение.

Хэ Ци, скрытый тенями деревьев и кустов, увидел мост раньше, чем Син Янь.

Мост Байшуй, не красивый ни днём, ни ночью, белый мост из бетона и стали, самый простой дизайн прошлого века, словно его создатели не думали об эстетике, а только о функциональности и скорости строительства. Он старел, и его время подходило к концу. В этом современном городе, где всё стремится к новизне, мост Байшуй казался реликвией ушедшей эпохи, которую потомки его создателей уже отвергли. Хэ Ци недавно слышал, что городские власти планируют построить здесь новый мост, чтобы он соответствовал стилю окружающих зданий.

Он слишком выделялся, в этом городе, в этом районе, почти невозможно найти что-то настолько не подходящее.

Вчера, когда они гуляли, Хэ Ци забыл ему об этом сказать, и, возможно, только в этот душный вечер он вспомнил эту печальную тему.

Хэ Ци подошёл и похлопал его по плечу. Син Янь обернулся, и его глаза, полные грусти и растерянности, устремились на него. Хэ Ци указал на мост впереди и сказал:

— Давай поднимемся, подышим свежим воздухом.

Син Янь кивнул, и их позиции снова поменялись. Хэ Ци пошёл вперёд, а Син Янь последовал за ним. Казалось, он был слишком погружён в свои переживания, не отрывая взгляда от спины Хэ Ци.

Тротуар под кронами деревьев казался бесконечно длинным, словно конца ему не было. Свет города вот-вот поглотит его, и перед глазами Син Яня всё стало расплываться. Вокруг были только тени света, и только Хэ Ци был ярким, запечатлелся на его сетчатке, в его голове, в его памяти. Как будто в конце туннеля, где не было выхода, наконец появился свет, указывающий путь. Он был высохшим колодезем в пустыне, сожжённой травой в степи, и, встретив каплю воды, ожил и начал танцевать.

Если бы до встречи с Хэ Ци в его жизни был кто-то, кто мог бы научить его жизненному опыту, то ему бы сказали: Не позволяй любви ослепить тебя, не трать слишком много фантазий на

одного человека. Любовь и лотерея похожи — это тени пузырей под солнцем, красивые и иллюзорные, чем больше ты слепо стремишься к ним, тем меньше шансов получить. На Земле семь миллиардов людей, больше, чем звёзд на небе. Разве ты потеряешь свет, если откажешься от одной звезды? Нет, у тебя останется всё небо.

Какое замечательное высказывание.

Но эти звёзды не имеют к нему никакого отношения, они лишь холодные лучи света, прошедшие миллиарды световых лет, не делая различий между ним и всеми остальными. Он никогда не чувствовал тепла под этим светом, никогда не был тронут кем-то из шести миллиардов девятисот девяноста девяти миллионов девятисот девяноста девяти тысяч девятисот девяноста восьми, никогда не переживал с ними ничего подобного, никогда не был очарован ни одним из них.

Той ночью он должен был умереть на мосту Байшуй, лежать в холодном морге с табличкой «неизвестный», ожидая, пока давно не видевшиеся родственники придут опознать его тело. Его сердце замерзло бы в бурной реке, став белым, как мёртвая плоть, и было бы похоронено в земле или сожжено, превратившись в пепел, в пищу для червей. Ему было всё равно, ведь при жизни оно не билось.

Но Хэ Ци спас его, крепко сжав его руку. В тот момент его мрачный мир впервые окрасился в цвета, словно он вышел из чёрно-белого немого кино. И в то же время эти руки словно сжали его сердце, оживив эту белую мёртвую плоть, и тёплая алая кровь потекла по всем крошечным капиллярам его тела. В свои двадцать семь лет он впервые почувствовал, что действительно жив.

Но теперь Син Янь, погружённый в глубокие размышления и тревоги, снова оказался в туннеле без выхода, и на этот раз перед ним не было света, который бы вёл его.

Скрытый отказ Хэ Ци словно стал огромной тюрьмой, окружающей его, и он чувствовал невидимую боль, сильнее, чем когда-либо.

Когда ты был просто ходячим зомби, без мыслей, без чувств, без любви, ты не знал такой боли.

Любовь — это яд, это наркотик, от которого ты становишься зависимым, пьёшь его, как сладкий нектар, даже зная, что он смертелен.

Безумные мысли крутились в его голове, но когда они снова поднялись на мост, прохладный вечерний ветер развеял всю гнетущую грусть и раздражение, которые не находили выхода. Хэ Ци прислонился к перилам, обернулся и посмотрел на него. Син Янь спрятал взгляд в тени ресниц, сливаясь с ночной тьмой.

Ветер растрепал его волосы, а белая рубашка слегка раздувалась от вечернего бриза с реки. Свет фонарей на мосту освещал Хэ Ци, и его глаза были ясными и чистыми, как у школьника, сбежавшего с вечерних занятий.

Син Янь, напротив, не решался смотреть на него, крепко держась за перила и глядя на тёмную реку, не зная, о чём думать.

Хэ Ци достал из кармана пачку сигарет и зажег, ловко закурил. В клубах дыма образ школьника исчез, и он стал больше похож на зрелого мужчину.

Когда сигарета сгорела наполовину, Хэ Ци первым заговорил, сказав с сожалением:

— Ты знаешь, что этот мост собираются снести?

Только тогда Син Янь поднял глаза и с удивлением спросил:

— Этот мост?

Хэ Ци кивнул, и Син Янь заметил сигарету в его руке:

— Я не знал, что ты куришь.

— Иногда, без зависимости. Хочешь?

Он снова достал пачку сигарет, явно новую, из которой взял только одну. Хэ Ци протянул сигарету Син Яню, но тот молча покачал головой, сказав, что не курит. Хэ Ци убрал её обратно в карман.

— Я думал, что все мужчины в определённом возрасте, хочешь не хочешь, начинают курить под влиянием окружения.

— В моём окружении таких нет.

— У меня полно.

Хэ Ци пожал плечами, безразлично сказав:

— В университете в общежитии я был единственным, кто не курил, остальные все были заядлыми курильщиками. Ежедневно дышать их дымом было настоящей пыткой, и я присоединился к ним.

Син Янь усмехнулся:

— У тебя нет силы воли.

Хэ Ци с сожалением ответил:

— Что поделаешь, пришлось плыть по течению.

Он снова посмотрел на чёрную, покрытую пятнами поверхность реки и вернулся к первоначальному вопросу:

— Этот мост правда снесут?

— Да.

Хэ Ци бросил окурок на землю, потушил его ногой и, повернувшись к реке, сказал:

— Городские власти хотят снести его и построить новый.

— Он ведь не настолько старый, чтобы его нельзя было использовать. Зачем сносить?

В его голосе Хэ Ци уловил нотку грусти.

— Наверное, считают, что он слишком уродлив.

Син Янь повернулся к нему и серьёзно спросил:

— Он уродлив?

Хэ Ци растерялся от такого вопроса и в ответ спросил:

— А ты считаешь его красивым?

<http://bllate.org/book/16327/1474059>